

антов сюжета. Он был бы достаточен для разрешения конфликта в пьесе. Но, по замыслу Кенье, время для развязки еще не наступило. Следует еще одна психологически напряженная сцена. Элиофал, в душе которого борются любовь к Лелии и чувство долга по отношению к Тамире, узнает, что ребенок может оказаться его сыном. Взволнованный, он принимает решение обратиться за помощью к Соломону.

Третье действие представляет собой сцену суда, которая разработана с обстоятельностью. Для зрителей важен был не результат суда, он был предопределен, а сам его процесс. Во время суда персонажи пьесы наиболее полно проявляли свою сущность. Это выражалось в их репликах и подчеркивалось сценическим поведением, определяемым авторскими ремарками. Тамира «входит с левой стороны с видом гордым и презрительным и едва кланяется Соломону. Потом Лелия (...) выходит с правой стороны. Вид ее скромн, глаза опущены в землю» (явл. 4). Открываются последние неясные детали и подробности совершенного Тамирой преступления. Именно так оценивается ее поступок в пьесе. У Тамиры была корыстная цель. Похищенный ребенок позволил ей сначала сохранить мужа, а затем стать наследницей его богатства. Близится развязка конфликта. Но Соломон в нерешительности. Тем самым драматическое напряжение еще более усиливается. Царь размышляет: «Каким образом могу я произнести мой приговор без оскорбления правосудия? Одна имела на дитя неоспоримые права даже до сего дня. Другая разрушает их, если не сильными доводами, то, по крайней мере, догадками (...) Желая отдать ребенка одной, может быть, могу я отнять сына у другой. Между тем обе могут быть невинны. Итак, пусть одна из вас сделает великодушную жертву другой. А я клянусь всем моим могуществом наградить эту потерю». Лелия решительно отказывается: «Всеми вашими сокровищами не можете вы мне заплатить за моего сына». Тамира, предчувствуя свое поражение, восклицает: «Мне видеть его у этой женщины! Пусть лучше он погибнет!». Этой репликой она и подсказывает Соломону способ, которым можно разрешить спор. Соломон повторяет ее слова: «Пусть лучше погибнет... Некоторый луч блеснул для меня в глубине мрака (...) (Тамире) Ты меня научила, чем я должен решить... (Солдату) Возьми этого ребенка, умертви его, и чтобы потом драгоценные остатки его тела положены были в два гроба, каждую из этих женщин...» Развязка традиционна. Следует только добавить, что в этом эпизоде участвует и ребенок, который просит пощады у солдата «сложив ручки». В финале истинные родители ребенка Лелия и Элиофал воссоединяются, Соломон лишает Тамиру родового имени Баная, а сама она испытывает глубокое раскаяние: «Я должна заплатить оскорбленной природе. Я менее краснею от преступления, что похитила этого ребенка, нежели от того, что, почитая себя его